

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

Публикация Наталии Дмитриевны Солженицыной

Педагогом надо родиться. Надо, чтоб учителю урок никогда не был в тягость, никогда не утомлял, — а с первым признаком того, что урок перестал приносить радость, — надо бросить школу и уйти. И ведь многие обладают этим счастливым даром. Но немногие умеют пронести этот дар через годы непогасшим.

Александр Солженицын. «Люби революцию»

Окончив в 1936 году среднюю школу в Ростове-на-Дону с «золотым» аттестатом, 17-летний Александр Солженицын поступил в Ростовский государственный университет на физико-математический факультет, который окончил с отличием в 1941 г. Одновременно два предвоенных года (1939/1940 и 1940/1941) он проучился в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории) на заочном отделении факультета искусствоведения.

На долгом жизненном пути — сквозь войну, тюрьму, лагеря, ссылку, изгнание — Солженицыну пришлось сменить немало профессий и ремесел. Был он и школьным учителем, преподавал в пяти школах (четырех государственных и одной домашней). Вот «послужной список» учителя А.И.Солженицына:

- ◆ **Морозовск** Ростовской обл. — учитель математики в средней школе: 1 сентября — 16 октября 1941 г., до призыва в Действующую армию.
- ◆ **Аул Кок-Терек** Джамбульской области Казахской ССР — учитель математики и физики в средней школе: с апреля 1953 по май 1956 г.
- ◆ **Поселок Мезиновский** Курловского района Владимирской обл. — учитель математики, физики, астрономии: 1956/1957 учебный год.
- ◆ **Рязань** — учитель физики и астрономии: с сентября 1957 по декабрь 1962 г.
- ◆ **Кавендиш** (штат Вермонт, США) — учитель математики, физики и астрономии своих сыновей, в домашней школе: конец 1970-х — начало 1980-х гг.

В этой публикации мы предлагаем читателю фрагменты из произведений Солженицына, посвященные его учительской работе, а также отрывки из воспоминаний его бывших учеников и коллег-учителей.

**Ссылный учитель
математики у доски**

МОРОЗОВСК

Солженицын приехал в Москву на очередную экзаменационную сессию в МИФЛИ 20 июня 1941 года. Наутро объявили о нападении Германии. Война. Вернувшись в Ростов, кинулся в военкомат, но, как «ограниченно годный», мобилизации не подлежал, велели ждать. «Начинался учебный год, военкомат не брал, — так не сидеть же без дела, надо работать». И по путевке облоно Солженицын едет в Морозовск Ростовской области, где в школе нужен математик. Учит детей полтора месяца, а в середине октября получает долгожданную повестку и уходит на войну. Это время описано в его автобиографической ранней повести «Люби революцию»*, где впервые появляется Глеб Нержин, alter его автора.

«...И вот, досрочно сдав у себя в Ростове последний государственный экзамен на физмате, — с легким сердцем перед простором, теперь свободным для всех наук и искусств, — Глеб немедля, в июне же, выехал на сессию и экзамены в свой заветный МИФЛИ — прославленный Московский институт философии, литературы и истории. Сдавать он вез — в голове, а больше в конспектах: латынь и церковно-славянский, несколько литератур — античную, всеобщую до Возрождения и русскую до Карамзина, еще историю Средних веков, — но обилие предметов не тяготило его, — напротив, радовало своим разнообразием и своей непохожестью на аналитическую теорию дифференциальных уравнений и монодромные множества. Рассчитавши целые годы по секундам, Нержин не знал и не желал отдыха, не раз с благодарностью проверяя на себе правило Ламарка, что отдых состоит в смене работы.

Беречь! Беречь время и уплотнять его! — был напряженный девиз Глеба еще со школьного времени. Ни на какое ребяческое *бортыжанье*, пустое слонянье, кроме единственного только футбола, его невозможно было завлечь. Над ним напоминательно парила несчастная смерть отца в 27 лет. (А Лермонтов? А Эварист Галуа?) И Глеб действовал так, как если б

и ему было определено столько же. Разрываясь между математикой, литературой и историей, он уже после третьего курса физмата изобрел: одновременно, заочно, учиться и в МИФЛИ».

(«Люби революцию». Глава первая:
Размолотные недели)

«Морозовск — сперва станица, потом рабочий поселок, а теперь переназванный в город — был гол, малозелен, подвержен пыльным ветрам Донской степи и ее изнурительному солнцу. Он лежал при железной дороге — одной из торных дорог великого отступления — и своими огненными крылами оно уже коснулось Морозовска и неисцелимо обожгло. Как порции крови по пульсирующей жиле, проталкивались на восток эшелоны — они везли оборудование заводов, складские товары, но это терялось в гамузе узлов, чемоданов, в сумятице напуганных и измученных людей... Вспухшими ценами базара, фантастическим обилием бумажных денег у многих «выковыренных», как называл народ эвакуированных, разбухшими ужасами рассказов, делающих войну ощутимо огнедышащей, — всем этим был разнохарактерно взбудоражен маленький городок. Но... хотя внутреннее чувство размеренности жизни уже давно было потеряно всеми — ее внешний отстук казался по-прежнему мерен: в читальне партпроса обновляли витрины по истории партии, в райисполкоме шли заседания по графику, ...

* Александр Солженицын. Люби революцию. В кн. Дороженька. М.: Вагриус, 2004.

элеватор принимал хлеб, ремзаводик над- рывался отремонтировать сельхозоборудова- ние, в когизе продавались учебники к но- вому учебному году, а Глеб... сидел в ме- тодкабинете районо и впервые в жизни пи- сал полугодовые календарные планы. Глебу дали вести математику и астрономию. <...>

С трепетом священнодействия входил он на сорок пять минут в замкнутый, взве- шенный, ему одному подвластный мир класса. Белый мел ярко следил по густо- черной доске. Дрожали вихры, суживались и расширялись глаза, фиолетовые петли выписывали перья — строка за строкой вышелушивалась идея вывода — непо- движные стекла окон не чуяли дрожи да- лекого запада — и буквы формулы краси- во выстраивались, обведенные замкнутым прямоугольником, как замкнуты были эти сорок детей прямоугольником комнаты от войны и тревожных дум о будущем.

Педагогом надо родиться. Надо, чтоб учителю урок никогда не был в тягость, никогда не утомлял, — а с первым при-

знаком того, что урок перестал приносить радость, — надо бросить школу и уйти. И ведь многие обладают этим счастливым даром. Но немногие умеют пронести этот дар через годы непогасшим. <...>

Звездными вечерами Нержин иногда собирал десятиклассников в школьном дворе и, установив Галилееву трубу, по- казывал им кольца Сатурна, учил на- ходить многоцветный Антарес, голубое сердце Орла — Альтаир, в клюве у Ле- бедея — Денеб. Нержин знал, как обаяют астрономические истины и догадки юно- шеские умы, он звучным голосом давал пояснения у темнеющего постамента — и слышал сам, как прерывался его голос. Он вводил души молодых мальчиков и де- вочек к звездам, но тела их оставались на земле, отдаленно подрагивающей под гу- сеницами наступающих танковых армий врага. Пыл Глеба угасал, радость учить отемнялась безнадежностью».

*(«Люби революцию». Глава вторая:
Утлое)*

АУЛ КОК-ТЕРЕК

В начале войны пройдя ускоренный курс артиллерийского училища, Солженицын на фронте был командиром звукоразведывательной батареи. 9 февраля 1945 года, уже в чине капитана, был арестован контрразведкой СМЕРШ за критические высказывания в адрес Сталина в переписке с другом-офицером. Провел 8 лет в тюрьмах и лагерях, после чего был со- слан «навечно» в аул Кок-Терек Джамбульского района Казахской ССР. В аул он прибыл этапом 2 марта 1953 года. Своему учительству в Кок-Тереке Солженицын посвятил несколько страниц в книге «Архипелаг ГУЛАГ»*.

«...В райпо внезапно пришел моло- дой завуч школы, казах. До меня он был единственный универсант в Кок-Тереке и очень этим гордился. Однако мое появ- ление не вызвало у него зависти. Хотел ли он укрепить школу перед ее первым выпуском, но предложил мне: «Несите

быстро ваш диплом!» Я сбегал, как маль- чик, и принес. Он положил в карман и уехал в Джамбул на профсоюзную кон- ференцию. Через три дня опять зашел и положил передо мной выписку из при- каза облоно. За той же самой бесстыдной подписью, которая в марте удостоверяла, что школы района полностью укомплек- тованы, я теперь в апреле назначался и математиком и физиком — в оба выпуск-

* Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Учитель Солженицын ведет в степь учеников на занятия по геодезии. Кок-Терек, 1955 г.

ных класса да за три недели до выпускных экзаменов! <...>

Говорить ли о моем счастье — войти в класс и взять мел? Это и было днем моего освобождения, возврата гражданства. Остального, из чего состояла ссылка, я уже больше не замечал.

Когда я был в Экибастузе, нашу колонну часто водили мимо тамошней школы. Как на рай недоступный, я озирался на беготню ребятшек в ее дворе, на светлые платья учительниц, а дребезжащий звонок с крылечка ранил меня. Так изныл я от беспросветных тюремных лет, от лагерных *общиц*! Таким счастьем вершинным, разрывающим сердце, казалось: вот в этой самой экибастузской бесплодной дыре жить ссылкой, вот по этому звонку войти с журналом в класс и с видом таинственным, открывающим необычайное, начать урок.

...Это были дети особенные. Они вырастали в сознании своего угнетенного положения. На педсоветах и других баболольных совещаниях о них и им говорилось, что они — дети советские, растут для коммунизма и только временно ограничены в праве передвижения, только и всего. Но они-то, каждый, ощущали свой ошейник — и с самого детства,

сколько помнили себя. Весь интересный, обильный, клопочущий жизнью мир (по иллюстрированным журналам, по кино) был недоступен для них... Там, в метрополии, дети уже развыкли учиться, потеряли вкус, учились — как повинность отбывали, чтобы числиться где-то, пока выйдет возраст. А нашим ссылкой детям, если хорошо преподавать, то это было им единственно важное в жизни, это было все. Учась жадно, они как бы поднимались над своим вторым сортом и сравнивались с детьми сорта первого.

...При таком ребячьем восприятии я в Кок-Тереке захлебнулся преподаванием, и три года (а может быть, много бы еще лет) был счастлив даже им одним. Мне не хватало часов расписания, чтоб исправить и восполнить недоданное им раньше, я назначал им вечерние дополнительные занятия, кружки, полевые занятия, астрономические наблюдения, — и они являлись с такой дружностью и азартом, как не ходили в кино».

(«Архипелаг ГУЛАГ». Часть шестая, глава 6: Ссылное благоденствие)

В начале 1965 г., в алмаатинской газете появились рассказы учителей и учеников Коктерекской школы имени Кирова, ставших впоследствии учителями.

Фридия Ивановна Черноусова,
преподаватель немецкого языка
в Коктерекской школе тех лет:

— Нравился он мне своей эрудицией. Хорошо владел немецким языком, читал на английском. Был очень приятным собеседником... Когда сказали, что Исаевич стал писателем, я очень удивилась. Зря это он сделал. Его призвание — педагогика. Педагог он был на редкость талантливый... Исаевич умел подбирать ключи к сердцу любого ребенка.

Казахский 10-й класс школы им. Кирова с учителем математики и физики А.И.Солженицыным. Кок-Терек, 1955 г.

Елизавета Ивановна Шмидт,
преподаватель немецкого языка:

— Знаете, я горжусь, что училась у Солженицына. Школу я окончила в 1956 году, это был последний выпуск Александра Исаевича. Вскоре он уехал в Россию... И не потому, что он стал известным писателем. Это был самый лучший, самый мой любимый учитель. Он для меня навсегда останется идеалом.

Е.И.Шмидт вспоминает, как в теплые вечера у мазанки учителя собиралось полно народу. Кто не мог осилить трудную задачу, кому нужно было повторное растолкование теоремы. Ведь Александр Исаевич требовал прочных знаний и никому поблажки не давал. На первом же экзамене он «завалил» человек пятнадцать. И сам не меньше пострадавших был раздосадован на скверное преподавание математики в школе. Зато через год картина изменилась неузнаваемо, его классы показывали отличные знания основ точных наук. Ученики запомнили бесконечные беседы, споры о вещах простых и сложных. Со степи прилетал ветер, наполненный запахами весенних трав. Тысячеглазо мерцали звезды. Говорили о дальних неведомых мирах, о таинственном космосе.

Александр Исаевич изготовил с ребятами макет купола звездного неба. Когда под купол ставили лампу, четко проступали названия созвездий. Ребята задирали головы и старательно искали эти созвездия на настоящем небе. Надо ли говорить, как они любили уроки астрономии!

Турсунбек Мейркулов,
преподаватель физики:

— Солженицын заражал нас своей энергией. В класс врвался, как вихрь, на табурет садился, как в седло. И сходу начинал вести урок: «Дюсанов, к доске! Кукеева, покажите, как вы справились с заданием!» И хотелось попасть в темп, который тебе предлагали.

Ульмес Баяубаев,
преподаватель истории:

— Есть учителя, для которых класс — безликая масса. Или еще хуже — несмышлениши, которых нужно всегда и во всем наставлять. Полного понимания между таким преподавателем и детьми не может быть. Секрет обаяния Александра Исаевича: он никогда не выказывал превосходства взрослого, много знающего человека, держался с нами просто, как с равными. Бывал и строгим, требовательным, если кто-то нарушал слово, приходил не вовремя к месту условленной встречи. Сам он никогда не опаздывал и всегда выполнял то, что обещал, будь то дополнительное занятие по геометрии или простое фотографирование...

(Ю.Кунгурцев. «Солженицын в Казахстане» // Ленинская смена, Алма-Ата, 10 января 1965)

Б.Скоков, ученик Солженицына выпуска 1955 года, прислал ему, уже вернувшемуся из изгнания на родину, письмо с отчетом о себе и одноклассниках:

«Я учился у Вас три года, прошли мы с Вами все фундаментальные предметы,

все 300 задач из учебника Худобина. Мне, Вашему ученику, который получал тройки и четверки по математике, удалось получить отличные оценки при поступлении в Новосибирский институт и с отличием его окончить. Я больше не встречал ни в учебе, ни в жизни человека более честно-го, трудолюбивого, знающего все на свете. Я помню Ваши слова на выпускном вечере, когда мы восхищались Вашим знанием математики, тогда Вы сказали: “Ребята, я знаю лучше русский язык и литературу”».

(Архив А.И.Солженицына)

Ученик казахского класса, **Сейткерим Кожаназар**, написал письмо в газету:

«Хочу через АиФ обратиться к Солженицыну. После восьми лет тюрем Александр Исаевич 3 года жил в ссылке... Преподавал в русских классах математику, физику, астрономию. Осенью 1955 г. замещал учительницу математики в казахском классе. У Александра Исаевича была исключительно своеобразная манера ведения урока: чистейшая русская речь и разносторонняя эрудиция держали нас под гипнозом этого сложного предмета. Через месяц вернулась наша учительница, и я перешел на «двухсменное» обучение: с утра сидел на ее уроках, потом, на ходу перекусив, бежал на уроки Александра Исаевича. Широким шагом он устремлялся к столу, принимал стойку “смирно” и произносил: “Здорово, орлы!” Это определило мою судьбу. Я выбрал профессию учителя матема-

тики, окончил КазГУ. И даже служил 3 года кадровым офицером-артиллеристом, как Александр Исаевич. Я шел по его стопам, учил детей заниматься самовоспитанием. Уроки Солженицына стали для меня стандартом мастерства. Почти полвека Александр Исаевич, как маяк в океане, помогает мне плыть по морям жизни».

(Учитель математики А.И.Солженицын // Аргументы и факты, № 32, август 2004)

Т.Д.Лызлова, преподававшая в Коктерекской школе после Ярославского педагогического училища, вспоминает:

«Он сразу покорял своим внутренним обаянием, эрудированностью, всесторонней образованностью, и особенно в литературе, что меня всегда изумляло. Все дети в нашей школе были влюблены в математику и в Солженицына. Дети не очень хорошо владели русским языком. И вот им преподают математику на русском. И как! И они великолепно ее усваивают. И легко пишут всякие замысловатые формулы, и бегают стайкой за своим учителем, который ходит по поселку в поношенных ботинках и таких же поношенных брюках. И никто не обращает внимания, что у него всего, почитай, две рубашки, одна в желтую полосочку, другая — белая, единственная белая, с прохудившимся воротником, который некому заштопать».

(Мне довелось работать с Солженицыным в одной школе // «Золотое кольцо». Ярославль, 1994. 14 июля)

МЕЗИНОВКА

В апреле 1956 г., после XX съезда КПСС, была снята ссылка с осужденных по 58-й статье. Солженицын уехал из Казахстана и поселился в сельской местности Средней России, во Владимирской области. В 1956/1957 учебном году преподавал математику и электротехнику в 8–10-х классах средней школы в поселке Мезиновка, а жил в деревне Мильцево, в доме крестьянки Матрены Васильевны Захаровой, которую позже обессмертил в рассказе «Матренин двор»*.

* Матренин двор // Александр Солженицын. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Время, 2006.